

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаров В.С. Инновационное развитие предприятий и экономические интересы субъектов управления // Север и рынок: формирование экономического порядка. - 2012. - №3. – С. 84-92.
2. Жаров В.С. Проблемы управления инновационным развитием экономики регионов - субъектов Федерации // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития: Труды восьмой международной научно-практической конференции (Москва, 31 мая-1 июня 2012 г.). – М.: ИНИОН РАН, 2012. – Ч.2. - С. 345-347.
3. Жаров В.С. Проблемы стимулирования инновационной активности промышленных предприятий минерально-сырьевой направленности Арктической зоны Российской Федерации// Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения-2016: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Апатиты, 14-16 апреля 2016 г.). – Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. – С. 408-411.
4. Жаров В.С. Обоснование перспектив инновационного развития горнопромышленных предприятий // Экономика в промышленности. - 2012. - №4. – С. 17-20.

ПРАВСТВЕННОСТЬ И ЭКОНОМИКА СЧАСТЬЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ПОКАЗАТЕЛИ

д-р экон. наук В.Л. Ключня

Белорусский государственный университет, Минск

д-р экон. наук А.В. Черновалов

Московская академия труда и социальных отношений

Проблема взаимодействия экономики и нравственности, или, противопоставления нравственной и безнравственной экономик является в настоящее время предметом научных дискуссий разных наук, в том числе экономики, социологии, политологии и философии. Кроме того, тема нравственности – не аполитична, так как является еще и способом прикрытия безнравственности как фальсификации действительности, идеологического воздействия, развития скрытых форм возможного подчинения личностей чужой воле путем давления, насилия через наставление, чуждое истинной нравственности. Так Ф.В. Ницше считает, что нравственности «предшествует *принуждение*, и даже она сама еще некоторое время есть принуждение, которому подчиняются во избежание страданий. Позднее она становится обычаем, еще позднее – свободным повиновением и, наконец, почти инстинктом; тогда она, как все издавна привычное и естественное, связана с удовольствием – и называется добродетелью» [1]. Если И. Кант говорит о высшей свободе, которую ученые интерпретируют как *свободу творчества, самореализации и финансовую свободу* (не нужду трудолюбивых, талантливых людей) [2], то Ф.В. Ницше *нравственность связывает с принуждением, т.е. со страхом* который предшествует нравствен-

ности. При этом Ф.В. Ницше активно цитируется и позитивно исследуется в современных научных философских, социологических и экономических работах.

Поскольку в науке не существует единой экономической теории на все случаи жизни, постольку экономические доктрины обслуживают различные интересы, различных групп и слоев общества. Поэтому, на наш взгляд, в экономических исследованиях важно изначально реализовывать принцип целеполагания, то есть определять в чем состоит методологическая направленность экономического анализа и его предназначение – например, в увеличении уже существующего богатства нации и количества живущих среди ее членов миллиардеров, или в росте численности населения, обладающего необходимыми для жизни ресурсами, увеличении продолжительности жизни людей.

В последнее время действия международных финансовых институтов на глобальном уровне, таких как Международный валютный фонд (МВФ) или Всемирный банк, навязывающих государствам свое видение необходимых для счастливой жизни в отдельных странах экономических реформ, взамен за выделение суверенных кредитных ресурсов, приводят лишь к обнищанию широких масс населения, повышению тарифов на электроэнергию и газ, стоимости коммунальных услуг и снижению заработной платы у бюджетных работников. Действия правительств на макроуровне, желающих получить кредитные вливания от МВФ, связывают с попытками внедрения новых институтов (в рамках либеральной модели экономики – налогообложения, рынка ценных бумаг, банкротства, предпринимательства и конкуренции и т.д.), без оценки их эластичности к состоянию хозяйственной и социальной среды, что вновь приводит к идеологическим и экономическим потерям как в политической, так и в хозяйственной сфере.

С другой стороны постоянный рост богатства в странах с развитой рыночной экономикой создал условия для процветания домашних хозяйств и личностей, формирования благополучия и рационального потребления, без излишеств и консументских перегибов. Напротив, в восточноевропейских странах на уровне фирм и предпринимательства сформировался этический стиль поведения в хозяйственной сфере подобный «карточному игроку», который взамен производственно-технологической и торговой деятельности, предпочитает играть на рынках FOREX, глобальных рынках нефти, золота, рынке акций и облигаций, получая спекулятивные доходы, которые в условиях существующей рыночной и правовой экономической инфраструктуры считаются законно приобретаемыми. В этой связи возникает множество попутных вопросов о нравственных характеристиках подобного режима функционирования экономических агентов как

на глобальном, так и на национальном и микроэкономическом уровнях. Решение поставленных задач требует углубления в содержательную часть понятия *нравственности*, что, несомненно, повлечет за собой выяснение вопроса о сущности человека, об его интересах, в том числе экономических, об экономической модели человека в хозяйственной системе, его жизненной позиции.

Поэтому *нравственность в экономике* – это целевые установки любой деятельности человека и общества в целом, проявляющиеся в делении нравственных качеств на позитивные и негативные, что проявляется в намерениях, словах, реальных делах и предпринимательских проектах. Но как же объяснить существование нравственной и безнравственной экономической деятельности, неужели существуют различные экономики в нашем мире: жертвенная экономика, игровая экономика, производственно-техническая экономика, экономика знания, экономика духовности и нравственности и прочее? Да, в действительности предполагается существование всех видов экономик, в которых должен действовать человек, придерживающийся нравственных идеалов нации, что реализует конвенциональный методологический подход при построении доктрины и позволяет системно анализировать соотношение нравственности и хозяйственной деятельности.

Следовательно, модель счастливого человека основывается на методологическом индивидуализме, однако она должна реализовываться в новой экономической доктрине счастья как функция максимального эластичного приближения к нравственному идеалу нации с определенным набором ценностей, являющихся социальным базисом данного общества и его социальным капиталом.

Если рассматривать *показатели экономики счастья*, то показатель Валового Внутреннего Продукта (ВВП), которым у нас привыкли оперировать и экономисты, и представители других наук, не годится ни для сравнений стран с разной структурой экономики, ни для оценки уровня благосостояния нации. Финансово-расчетная сущность этого показателя пригодна, в основном, для целей дополнительного изготовления долларовых купюр в мировом масштабе Федеральной Резервной Системой США, так как тонну нефти и велосипед никак нельзя сопоставлять между собой, даже если по цене они и одинаковы. Реальный экономический рост легко измеряется по объёмам производства всего пяти продуктов: молока, мяса (если его производят - значит, в стране есть скот и есть корма), мебели (значит, люди строятся и заводят семьи), тканей (есть спрос на материал со стороны швейной отрасли) и металлорежущих станков. Такой подход значительно понятнее для населения и точнее описывает уровень счастья, однако в научных исследованиях не пригоден. Неоспоримый вклад в возрождение

интереса к счастью как цели государственной политики внес Рут Винховен, голландский социолог, признанный мировой авторитет в научном исследовании счастья. По его мнению, уровень счастья, который демонстрируют люди, наряду с уровнем здоровья и благосостояния является одним из важных измеряемых показателей того, насколько данное конкретное общество пригодно и комфортно для жизни людей. Он показал, что счастье может быть использовано как надежное измерение для оценки прогресса в обществе [3]. Русский социолог П.А. Сорокин указывал как на недопустимость игнорирования счастья, так и на преувеличение его значимости: «Все критерии прогресса, какими бы разнообразными они не были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [4]. Профессор Лондонской школы экономики Р. Лэйард считает, что именно стремление человека к счастью должно быть принято государством в качестве золотого стандарта и основы всех политических решений. По его мнению, счастье граждан – единственный показатель эффективности, который правительства должны учитывать при планировании своего курса, а умножать богатство имеет смысл только для преумножения счастья людей. При этом он замечает, что традиционный показатель результативности экономической политики – ВВП – растет и тогда, когда строится новая тюрьма, когда разводятся люди, когда случается автомобильная авария или совершается самоубийство, т.е. рост ВВП достигается путем «преумножения несчастий» [5].

Многочисленные исследования подтверждают тот факт, что чем больше благосостояние, тем выше счастье – сравниваем ли мы различные страны между собой или население внутри одной страны, данный факт будет прослеживаться. Однако, как оказалось, рост удовлетворённости жизнью не всегда прямо связан с ростом благосостояния. Подтверждением этому может служить известный *парадокс Истерлина*, названный в честь экономиста Ричарда Истерлина, который обнаружил, что *рост доходов на душу населения лишь до определенного уровня приводит к росту счастья, но не более*. Р. Лэйард считает, что такой порог составляет 20 000 долларов ВВП на душу населения в год. В странах, прошедших этот уровень, удовлетворенность жизнью больше не растет, а порой даже снижается. Интерес к этому парадоксу не ослабевает до сих пор. В 2003 году Р. Винховен и М. Хэджерти опубликовали исследование, опровергающее парадокс Истерлина [6]. В 2008 году Б. Стивенсон и Дж. Вольфатерс установили, что увеличение абсолютного дохода четко связано с повышением самооценки счастья. И межстрановые исследования, и опросы внутри стран показывают, что *между счастьем и логарифмом дохода наблюдается практически линейная зависимость – одна и та же и для богатых, и для бедных*. Э. Динер также провел широкомасштабное исследование, результатом которого стал

вывод о том, что рост доходов вызывает рост счастья, если при этом потребности растут медленнее дохода [7]. Однако в 2010 году Истерлин опубликовал новое исследование, затрагивающее 37 стран, подтверждающее его предыдущие выкладки. Недостаточность экономических факторов, их неоднозначная связь с удовлетворенностью жизни проявляется, например, в том, что, хотя жители западных стран сейчас в среднем в 4 раза лучше материально обеспечены, чем 40 лет назад, уровень их субъективного благополучия практически не изменился, а у 37% богатых американцев ощущение счастья ниже среднего уровня. *Таким образом, вопрос о взаимосвязи счастья и благосостояния остался открытым.*

Справедливо утверждается, что «субъективное восприятие удовлетворенности жизнью объективно влияет на общественную ситуацию в гораздо большей степени, чем реальное положение дел», поэтому, как отмечает С.В. Степашин, «удовлетворенность или неудовлетворенность населения своей жизнью является важным показателем внутренней стабильности общества, уровня общественной поддержки деятельности властей и властных институтов в целом». Постепенно приходит понимание того, что «опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики» [8]. В настоящее время основное отличие так называемой вторичной модернизации от первичной принято усматривать в том, что ее главной задачей становится уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, *а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении.*

19 июля 2011 года Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Бутана и при соавторстве более 50 государств, в том числе Франции, Великобритании и Японии, приняла резолюцию «Счастье: целостный подход к развитию», в которой рекомендовано использовать счастье как показатель развития каждой страны [9]. При этом в Резолюции ООН содержится призыв к странам мира осуществлять деятельность по разработке собственных методов измерения счастья, представлять их в ООН с целью обмена опытом и формирования универсальной системы оценки уровня счастья. Еще одна попытка найти альтернативу ВВП была предпринята в 2008 году во Франции. Президент страны Николя Саркози создал специальную комиссию по измерению экономических достижений и социального прогресса, которую возглавили нобелевские лауреаты – индиец Амартия Сен и американец Джозеф Стиглиц, известные своим критическим отношением к общепринятым методам управления экономикой. Комиссия предложила использовать для расчетов такие индикаторы качества жизни, как устойчивость развития, безопасность, политические права людей, состояние экологии и т.д. В 2009 г. Стиглиц и Сен опубликовали статью, в которой утвер-

ждали, что преувеличение значения динамики ВВП стало одной из причин мирового финансового кризиса. Правительства и экономисты упустили из виду другие, не менее важные факторы, такие как социальная цена безработицы или неконтролируемое кредитование, которое увеличивало сегодняшние темпы роста экономики в ущерб дню завтрашнему. По итогам работы комиссии президент Саркози предложил ввести для оценки развития страны такие параметры, как (1) *счастье* и (2) *доступность услуг здравоохранения*, и призвал другие страны взять на вооружение опыт Франции. Всевозможные индексы счастья рассчитываются различными международными организациями и научными центрами, которые используют самые разнообразные методики. Самой известной и наиболее широко признанной альтернативой ВВП стал *Индекс человеческого развития (ИЧР)*. Он включает в себя в качестве составной части ВВП на душу населения, а также такие индикаторы, как доступ к образованию, средняя продолжительность жизни и ряд других факторов. ИЧР ежегодно рассчитывается аналитиками Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов. Для определения этого индекса наряду с аналитическими разработками используются статистические данные национальных институтов и международных организаций. Доклады ПРООН по результатам исследований публикуются с 1990 года [10]. При всех своих достоинствах ИЧР имеет и ряд существенных недостатков: например, он опирается на национальные средние показатели, не отражающие асимметричность в распределении благ, не принимаются во внимание экологические факторы и *вопросы духовно-нравственного развития человека*. Поэтому, несмотря на комплексный подход, с учетом многочисленных показателей, используемых в расчете ИЧР, предпринимаются попытки совершенствования данной методики и поиска оптимального и универсального метода измерения счастья.

Очередная такая попытка была предпринята в 2006 году. Британский исследовательский центр *New Economic Foundation* совместно с некоторыми международными организациями и группой независимых экспертов разработал Всемирный индекс счастья (*The Happy Planet Index*). Это комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. В основе индекса лежат предположения об априорном желании человека прожить долгую жизнь, избавленную от страданий и лишений, нацеленности государственной деятельности на максимизацию благосостояния собственных граждан, включающую в себя разумное использование и охрану окружающей среды. Из них и вытекают три основных компонента, используемых при вычислении индекса: *субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность*

жизни и состояние окружающей среды, измеренное через размеры биологически продуктивных территорий в расчете на одного человека. Иными словами, основная цель составления данного индекса заключается в том, чтобы оценить эффективность политики государства в отношении природных ресурсов страны и благополучия собственного населения. Главная цель, которую преследовали создатели Всемирного индекса счастья, заключалась в том, чтобы определить эффективность, с которой страны используют экономический рост и природные ресурсы для обеспечения своим гражданам счастливой жизни. Сами авторы исследования признают, что индекс счастья не лишен определенных недостатков. Страны, которые демонстрируют хорошие результаты в рейтинге, могут испытывать определенные проблемы. В частности, индекс не учитывает нарушения прав человека. Более того, люди, права которых нарушаются в наибольшей степени, составляют меньшинство, и это почти не отражается на усредненных показателях.

Свой «индекс лучшей жизни» (или «*Better Life Index*») с 2011 года начала рассчитывать и известная международная Организация экономического сотрудничества и развития (*Organization for Economic Co-operation and Development*). Рейтинг стран составляется на основе официальной статистики и опросов института Гэллапа по 11-ти параметрам: *доход, жилье, работа, окружающая среда, образование, баланс работы и отдыха, безопасность, удовлетворенность жизнью, вовлеченность в гражданскую активность, здоровье, сообщество*. В базовой модели каждому из субиндексов присвоен одинаковый вес. Изначально индекс охватывал только страны ОЭСР, однако с 2012 года в него были включены Россия и Бразилия. Между тем на Западе людям сегодня важна, прежде всего, удовлетворенность жизнью, на втором месте для них стоит образование, на третьем – здоровье [11].

Отдельно можно отметить многочисленные рейтинги счастливых стран, составленные по результатам опросов населения на основе самых разнообразных методик. Наиболее известный среди них – «индекс качества жизни» или «индекс удовлетворенности жизнью» (*Well-Being Index*), методологию которого разработал психолог и социолог, нобелевский лауреат Даниэль Канеман. Источником данных для него является *Gallup World Poll*. В расчет включается ряд индексов: *индексы личного здоровья, оптимизма, базовых нужд общества, гражданской вовлеченности, доверия к национальным институтам, развития молодежи, коррупции и несколько других*. В основе исследования лежат национальные опросы с сохранением базового блока вопросов единым для всех стран. Люди отвечали на ряд вопросов, касающихся проблем проживания, питания, правопорядка, личной экономической ситуации, здоровья, доверия к национальным институтам и т.д. По результатам опроса определились три группы:

«страдающие» (показывающие низкий уровень удовлетворенности), «борющиеся» (демонстрирующие средний уровень удовлетворенности) и «преуспевающие» (высоко удовлетворенные жизнью). Процентное соотношение данных групп и ложится в основу ранжирования стран.

Итак, в идеале не государственный строй должен подстраивать под себя нравственность, а законы нравственности открываются, воспринимаются и реализуются в зависимости от уровня знаний и уровня нравственности правящей элиты общества, но, безусловно, в каждой нации присутствуют какие-то главные нравственные качества, ее отличительные особенности в международном сообществе, связанные с религией, историей, культурой, климатом и формой государственной правления как одним из факторов. В то же время представляется значимым для сегодняшнего этапа развития белорусской экономической науки использование научных концептов экономики счастья. С другой стороны, следует отметить наличие значимых дискуссионных зон в этой проблематике, которые имеют тенденцию расширения разными, не связанными между собой исследованиями в разных науках, вместо междисциплинарной направленности на конструктивное разрешение общей противоречивости рассматриваемой концепции и понимания ценности в единстве (не единообразия) в научных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше, Ф.В. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Отдел второй: К истории моральных чувств, §99.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности. Электронный ресурс: http://annaganzha.narod.ru/kant_omn_fr.pdf
3. Veenhoven, R. Questions on happiness: Classical topics, modern answers, blind spots. In F. Strack, M. Argyle, & N. Schwarz (Eds.), *Subjective well-being: An interdisciplinary perspective* (P. 7-26). – Oxford, England: Pergamon Press, 1991. – P. 14.
4. Сорокин, П.А. Социологический прогресс и принцип счастья / П.А. Сорокин // *Человек. Цивилизация.* – С. 511.
5. Лэйард, Р. *Счастье: уроки новой науки* / Р. Лэйард. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011
6. Hagerty, M.R. Wealth and Happiness Revisited Growing wealth of nations does go with greater happiness / M.R. Hagerty, R. Veenhoven // *Social Indicators Research.* – 2003. – Vol. 64. – P. 1-27.
7. Diener, Ed. Rising income and the subjective well-being of nations / Ed. Diener // *Journal of Personality and Social Psychology.* – Vol. 104 (2). – Feb. 2013. – P. 267-276.
8. Степашин, С.В. *Государственный аудит и экономика будущего* / С.В. Степашин. – М.: Наука, 2008.
9. Официальный сайт Информационного центра ООН в Москве. – Режим доступа: <http://www.unic.ru>
10. Официальный сайт Центра гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/>
11. Долгин, А. *Экономика счастья* / А. Долгин // *Независимая газета.* – 2009. – 28 мая.